

КАРЛ ВИТТЕ
или
история его образования
и воспитания

Карл Витте

**Карл Витте, или История его
воспитания и образования**

«Автор»

2019

Витте К.

Карл Витте, или История его воспитания и образования /
К. Витте — «Автор», 2019

Эта книга была написана двести лет назад по просьбе известного швейцарского педагога И. Г. Песталоцци немецким священником Карлом Витте (1767-1845). Поспорив со своими коллегами-педагогами, Витте попытался доказать, что в становлении выдающегося человека всё зависит от воспитания в первые 5-6 лет жизни. В качестве доказательства пастор воспитал выдающимся человеком своего сына; юный Витте уже в 14 лет стал доктором философии и юриспруденции – рекорд, непревзойденный до сих пор. По этой книге были воспитаны и многие другие выдающиеся люди. Например, методом Витте воспользовался математик Джеймс Томсон, который воспитал двух своих сыновей: Уильяма (получившего титул лорда Кельвина) и Джеймса, позже ставшего известным инженером, одним из основоположников термодинамики. Самый яркий пример воспитанного по методу Витте человека – создатель кибернетики Норберт Винер. Отец его был в восторге от книги Витте и Норберт уже в 18 лет получил учёную степень. В Китае эта книга стала настоящим бестселлером. На русском языке публикуется впервые.

© Витте К., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Предисловие	5
Часть первая	11
Глава 1. Для кого написана эта книга	11
Глава 2. Были ли у моего сына экстраординарные способности	16
Глава 3. Почему надеялся я на столь многое, получив так мало	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Карл Витте

Карл Витте, или История его воспитания и образования

Предисловие

*Стыдно не быть великим,
Каждый им должен быть.*

Е. Евтушенко

Книга, которую держит в руках читатель, уникальна. Двести лет назад её по просьбе известного швейцарского педагога И. Г. Песталоцци составил для своих друзей и знакомых немецкий пастор Карл Витте. Поспорив со своими коллегами-педагогами, он попытался доказать, что в образовании человека всё зависит от воспитания в первые 5-6 лет жизни. В результате он вырастил выдающегося человека, уже в 14 лет ставшего доктором философии и юриспруденции. Работая над книгой, сельский пастор был уверен, что предлагает всем родителям и воспитателям волшебное руководство, позволяющее не просто правильно вырастить любого ребёнка, но и сделать его выдающимся человеком, как сам он сделал выдающимся своего сына, также названного Карлом.

Однако спора Карл Витте не выиграл, так как его соратники заявили, что у человека, столь одарённого, как он, сын тоже должен быть умным. Следовательно, всему причиной выдающиеся задатки мальчика, а не искусство воспитателя-отца. В результате книга Витте не только не получила широкого распространения, но была подвергнута едва ли не ostracismу и теперь пребывает в полном забвении. Не спасло ситуации и издание в начале XX века английского перевода этой книги.¹ Причем, что немаловажно, выдающихся успехов достиг не только сам Карл Витте-младший. По книге его отца были воспитаны и многие другие выдающиеся люди. Например, методом Витте воспользовался математик Джеймс Томсон, который воспитал таким образом двух своих сыновей: Уильяма (получившего титул лорда Кельвина) и Джеймса, позже ставшего известным инженером, одним из основоположников термодинамики. Но самый яркий пример воспитанного по методу Витте учёного – создатель кибернетики Норберт Винер. Отец его был в восторге от книги Витте и Норберт уже в трехлетнем возрасте мог говорить и читать на трех языках. Он поступил в один из колледжей Гарвардского университета в 10 лет, в 14 окончил его, а в 18 получил учёную степень.

Таким образом, «забвение» этой книги в Европе – настоящая загадка, которую данная публикация, возможно, поможет раскрыть.

* * *

Автор книги Карл Генрих Готфрид Витте, которого принято называть Карл Витте-старший, родился 8 октября 1767 г. в Прицвальке (Бранденбург). Педагогике он учился сначала в Зальцведеде (Саксония-Анхальт), а затем в Берлине, в том числе у реформатора прусской образовательной системы доктора Фридриха Гедике (1754-1803) – немецкого богослова и

¹ Здесь любопытно отметить, что книга эта стала настоящим бестселлером в Китае.

педагога, который, благодаря произведенным им преобразованиям в устройстве гимназий, пользовался в своё время, особенно в Пруссии, большим влиянием. Его книги для чтения и хрестоматии были лучшими в своем роде и выдержали много переизданий. Сам Карл Витте впоследствии очень тепло отзывался об этом своём учителе. После окончания Берлинского университета Карл Витте поначалу занимался частной педагогической практикой. В 1795 г. был рукоположен в чин войскового священника, но уже в следующем году стал приходским священником в городке Лохау близ Галле (ныне в составе Шкопау).

В 1808 г. пастор Карл Витте оставил Лохау и отправился для дальнейшего образования сына сначала в Лейпциг, затем в Гёттинген и сопровождал его вплоть до защиты Витте-младшим докторской диссертации, что произошло в 1814 г. Далее Витте-старший отправился с сыном в Берлин, где последний претендовал на преподавательскую должность в университете. Получив отказ, Витте-младший отправился продолжать своё образование в Италию, а его отец остался в Берлине и в 1819 г. опубликовал двухтомный труд, ныне впервые предлагаемый вниманию русского читателя.

Умер Карл Витте старший 1 августа 1845 г. в Берлине.

* * *

Иоганн Генрих Фридрих Карл Витте-младший – немецкий юрист, историк литературы и переводчик, занесённый в Книгу рекордов Гиннеса как самый юный доктор философии в истории – родился в 1800 году в Лохау. С раннего детства он воспитывался своим отцом с целью развития в нём необыкновенных способностей, и уже в 1808 г. демонстрировал незаурядное владение различными языками. К 10-летнему возрасту он не только прекрасно владел родным немецким, но и свободно говорил и читал на английском, французском и итальянском языках, а также знал древнегреческий и латынь. Витте-старший публично демонстрировал успехи сына, пропагандируя таким образом, как он сам полагал, приоритет воспитания над природными задатками. Европейская пресса активно освещала успехи «вундеркинда».

В 1810 г. юный Витте сдал в Лейпциге экзамен на аттестат зрелости и стал посещать Гёттингенский университет. Здесь в продолжение четырёх лет он изучал исторические, филологические, математические и философские науки, и в 1813 году появился латинский трактат тринадцатилетнего докторанта, на основании которого юный Витте 10 апреля 1814 года получил в Гиссенском университете степень доктора философии. В 1816-1817 гг. Витте добивался права читать лекции в Берлинском университете, на что ни профессорская коллегия, ни студенты, ввиду чрезвычайной молодости учёного, не согласились. После образовательной поездки в Италию, в ходе которой Витте занимался, главным образом, историей искусств и итальянской литературой, он вернулся в Германию и с 1821 года преподавал право в университете Бреслау, где в 1823 г. получил звание профессора. С 1834 года Карл Витте преподавал в Университете Галле, переместившись ближе к родному дому.

Юридические сочинения Витте сначала были посвящены преимущественно фундаментальному предмету – римскому праву. Затем он обратился к византийскому праву и много содействовал его изучению, признав за ним самостоятельное всемирно-историческое значение. В своих статьях он указывал на внутреннюю связь византийского права с историей права Западной Европы. Он обогатил отечественную науку изданием памятников византийского права и первый пролил свет на значение основных его понятий. Написал также ряд работ и по прусскому праву.

Однако наибольшую известность Карл Витте приобрёл своими исследованиями в области итальянской литературы и главным образом – Данте. Совместно с Карлом Людвигом Каннегиссером он издал в 1840-х гг. комментированный перевод лирических песен Данте, а в 1862 г. вышло в свет его критическое издание оригинала «Божественной комедии» с мет-

рическим переводом её на немецкий язык и с примечаниями. В 1866 году под протекторатом короля Иоганна Саксонского по инициативе Витте было создано Немецкое дантовское общество. По результатам трудов на этом поприще вышло двухтомное издание «Исследований Данте». Однако заслуга Витте-младшего перед литературой Германии заключается не только во всесторонних исследованиях творчества великого поэта эпохи Возрождения, он перевёл на немецкий и «Декамерон» Боккаччо.

Его наследие по истории искусства и литературы обширно. Он был весьма уважаемым исследователем и прожил долгую жизнь (умер 6 марта 1883 г. в Галле), но в историю вошёл всё же именно благодаря достижениям своего детства.

* * *

Витте-старший пишет в своей книге, что педагогическая наука существует уже сто лет, а потому пора бы дать ей реальные плоды, чтобы она могла окончательно утвердиться в ранге настоящей науки. Говоря о столетнем периоде, пастор Витте прежде всего имел в виду французских просветителей и своих старших коллег из Швейцарии, где еще до Песталоцци существовала т. н. филантропическая школа, основанная Иоганном Базедовым. Его дочь Эмилия была настоящим вундеркиндом, в 3 года читала и писала по-немецки, в 4 – по-французски, в 4,5 – по латыни. Поставив целью образования воспитание гармонического человека, Базедов практиковал не только науки, но и закалывание, и развитие тела. До 12 лет он требовал слепого послушания, но достигаемого без суровости, с правильными наказаниями (лишение игр, сладкого и т. п.) и со щедрыми наградами. Изучение языков предполагалось только устное, письмо же и грамматика начинали преподаваться с 15 лет. Основной постулат методики Базедова гласил, что воспитание важнее обучения, поэтому большое внимание уделялось религии. Главный же принцип заключался в обучении с удовольствием, понемногу, но неуклонно.

Во многом следуя своему предшественнику, Песталоцци разработал целую систему элементарного образования. Вообще швейцарская педагогическая школа опиралась в основном на идеи французских просветителей и прежде всего на теоретические изыскания уроженца Женевы Жан Жака Руссо. Особенным вниманием пользовалась идея восприятия воспитания как основного средства совершенствования общества, признавалась важная роль воспитателя в формировании личности. Воспитатель должен был не изнеживать ребенка, а действовать «сообразно с естественным ходом развития детской природы». Например, Песталоцци в своих «Пожеланиях» призывал граждан Цюриха не считать губителем своих детей отца, который «не опутывает их свивальниками, не оглушает укачиванием в колыбели, не пичкает миндальным маслом, а предоставляет им уже с пелёнок подобающую свободу».⁴⁷

Подчеркивая важность воспитания, Песталоцци пишет: «Человек по своей природе, если ему предоставить вырасти дикарём, ленив, невежествен, неосторожен, непредусмотрителен, легкомыслен, легковверен, боязлив и безгранично жаден... хитер, коварен, недоверчив, склонен к насилию, дерзок, мстителен и жесток... Поэтому общество, чтобы человек имел для него некоторую ценность или был для него просто выносимым, должно сделать из него нечто совсем другое, чем он является по своей природе и чем он сделался бы, если бы он, предоставленный самому себе, вырос в диких условиях».²

Сам Песталоцци образно сравнивал искусство воспитателя с деятельностью садовника, который заботливо сажает и поливает растения, способствуя их произрастанию и признавая при этом, что источник их роста и цветения заключен в них самих. Так же и воспитатель, по

⁴⁷ Песталоцци. Сочинения в трех томах. Т. 1. С. 29.

² Т. 1. С. 604–605.

мнению Песталоцци, не способен вложить в человека какие бы то ни было силы и вдохнуть в них жизнь; он призван лишь позаботиться о том, чтобы беспрепятственно совершался естественный ход развития природных сил воспитанников.

Идея целенаправленного воспитания всё более завоёвывала умы передовой интеллигенции XVIII в. Замечательный французский философ Клод Адриан Гельвеций посвятил этому большую часть своих трудов. В сочинениях «Об уме», «О человеке» он отстаивал идею того, что всякий нормальный ребёнок, родившийся без каких-либо патологий, благодаря правильному воспитанию, может стать не просто успешным, но и вполне выдающимся человеком. Карл Витте-старший, подхватив эту идею и будучи абсолютно уверен в её истинности, хотел дать тому неопровержимые доказательства. Его швейцарский коллега и хороший знакомый Песталоцци, также ратовавший за создание педагогики как подлинной науки, основанной на всемерном наблюдении за развитием ребёнка, всемерно поддерживал своего немецкого коллегу.

Витте вслед за Песталоцци и другими гуманистами различал силы человеческой природы троякого рода: умственные, физические и нравственные. Но в отличие от Песталоцци, много внимания уделявшего трудовому воспитанию бедноты, в большей степени сконцентрировался на интеллектуальном воспитании человека, предназначенного не для работы на фабрике, а для науки. Объявив о том, чего именно он желает достигнуть в воспитании, ещё до рождения сына, он, казалось бы, не только исполнив, но и превзойдя свои обещания, дал всем прекрасное подтверждение истинности своих убеждений. Однако педагогическая наука до сего дня предпочитает обходить его смелый эксперимент стороной.

Основными высказанными и невысказанными аргументами противников Витте являются следующие.

Не всякий отец в состоянии выучить своего сына главным европейским языкам без значительных финансовых затрат, а прекрасное знание Карлом Витте-младшим пяти языков к 10-ти годам, является, без сомнения, одним из наиболее важных факторов его дальнейших успехов.

Не всякий отец способен, как Филипп Македонский, нанять для воспитания сына Аристотеля.

Да, это действительно так. Однако эти возражения никак не отменяют триумфа аргумента в пользу правильно построенного воспитания. Но тут в силу вступает фактор наличия природных задатков. Поскольку невозможно доказать, что мальчик не был одарён от рождения особой предрасположенностью к языкам, нельзя и утверждать, что он их так хорошо освоил только благодаря правильному воспитанию и образованию. Точно так же невозможно однозначно утверждать это и во всех остальных случаях успешного воспитания выдающихся людей, осуществлённых по системе пастора Карла Витте.

Немаловажное значение имеет и крайне негативное отношение к системе Витте такого государственного института как начальная и средняя школа, поскольку метод обучения немецкого пастора едва ли не полностью перечеркивает все основы школьного образования.

Не заинтересовано в распространении идей Витте и государство, о чём достаточно красноречиво сказано в приводимой нами в Приложении статье К. А. Гельвеция «О воспитании».

В настоящее время педагогическая наука, предлагающая порой едва ли не противоположные методики в деле воспитания детей, находится в настоящем кризисе. В то же время, не только на фоне глубокого кризиса школьного образования, но и благодаря огромным возможностям, предоставляемым современными техническими средствами для самообразования, сейчас всё более и более возрастает роль домашнего воспитания и образования. Поэтому обращение к книге пастора Карла Витте именно сейчас имеет немаловажное значение и может принести неоценимую пользу для всех, кому не безразлично будущее России.

* * *

Перевод выполнен по изданиям:

Karl Witte: oder Erziehungs- und Bildungsgeschichte desselben; ein Buch für Eltern und Erziehende. Herausgegeben von dessen Vater, dem Prediger, Dr. Karl Witte. In 2 Bd. Leipzig: F. A. Brockhaus, 1819.

The Education of Karl Witte or the training of the Child, edited, with an introduction, by Addington Bruce, translated from the German by Leo Wiener, professor of Slavic languages in Harvard University. New York, Tomas Y. Crowell Company Publishers, 1914.

При работе над переводом мы следовали английским коллегам, сто лет назад проделавшим скрупулезную работу по отделению существенного содержания книги Карла Витте от несущественного. Нашим читателям следует знать, что оригинальное издание немецкого пастора по содержанию вдвое превышает английский перевод. Столь существенные сокращения английского издания обусловлены различными причинами. Есть ряд очевидных излишеств. Например, оригинальная книга Витте содержала немалое количество считавшихся в те времена обязательными (своеобразными правилами хорошего научного тона) разделов, которые в глазах сегодняшнего широкого читателя не имеют никакого смысла. Например, сегодня для нас совершенно нет необходимости воспроизводить приведенное пастором Витте в начале книги пространное посвящение Его Королевскому Величеству Фридриху Вильгельму. Вслед за английским изданием нами не переведены вторая глава оригинального сочинения, которая называлась: «Что содержится в этой книге», и третья – «Почему эта книга не была написана ранее». Выпущен и достаточно большой раздел, в котором приведены письма Карла родителям, а также детские и юношеские стихотворения Карла; перевод их бессмыслен, ибо оценивать их должны люди свободно владеющие немецким.

Но есть и не столь очевидные сокращения, такие как большая подборка любопытных проявлений детского сознания Карла. Например, история о том, как, увидев плачущую у гроба знакомого мать, трехлетний Карл сказал: «Мама, не плачь, ведь папа ещё не умер». А потом, придя домой и увидев потухнувшую свечу, заметил: «Свет умер, как тот дядя». Или как-то раз гуляя по саду и услышав фразу: «Что-то сегодня холодно», Карл заметил: «Холодно бывает зимой, а сейчас лето, значит, надо говорить не холодно, а прохладно». Однако подобные примеры хорошо известны в нашей культуре по книге К. Чуковского «От двух до пяти» и другим произведениям. Они мало характеризуют отдельного ребёнка и ничего не добавляют к изучению проблем воспитания.

Другая большая купюра – подробное описание четырех дней занятий с четырехлетним мальчиком фонетическим разбором звуков немецкого языка. Подобный подробный фонетический разбор предлагается в любом учебнике иностранного языка, и потому не имеет смысла приводить его в книге, посвященной общим вопросам воспитания и образования, здесь достаточно лишь отметить, что такая тщательная работа с Карлом была проделана и ребёнком усвоена.

Выпущены главы о том, во что одевали маленького Карла, как он подхватил инфекцию и т. п. Также сокращены многочисленные письма и свидетельства об исключительной образованности Карла, описание проблем, с которыми столкнулся отец при устройстве сына в университет. И вообще, сокращено всё окончание книги, посвященное подробному описанию учёбы в университете, приведены лишь краткие упоминания об изучаемых мальчиком предметах. Сокращены нами многочисленные биографические данные, которые могут быть изложены вкратце в предисловии, а также выпущен рассказ Витте старшего о том, что первый его сын, которого он также назвал Карлом, умер в младенчестве. Этому посвящено много трога-

тельных страниц книги, поскольку для автора это оставалось непреходящей болью. Однако для нынешнего читателя вполне достаточно лишь упоминания об этом.

Во второй части книги выпущены главы о том, как вели себя супруги Витте во время беременности матери мальчика. Здесь достаточно лишь отметить, что сам Карл Витте едва ли не деспотически настаивал на активном образе жизни. Они много путешествовали, причём, много ходили пешком. Выпущены главы о проблемах при родах, о детских болезнях, о том, как купали младенца, во что одевали и чем кормили. Здесь достаточно упомянуть о том, что постоянно тщательно следили за чистотой тела (ежедневные купания) и теплотой и удобством одежды. Также из целой главы о сне детей достаточно привести лишь то, что «Карл всегда спал столько, сколько хотел».

Основным аргументом в пользу принятия всех этих сокращений является то, что главная задача книги – максимально подробное и точное изложение сущности самой системы воспитания и образования Карла Витте. Нам сейчас важнее использовать дополнительный объем повествования, чтобы более обстоятельно вписать опыт Витте в русло последующих представлений о процессах воспитания и образования. Буквальное же следование первоначальному немецкому варианту не только чрезмерно увеличило бы объём издания, но и привнесло бы дополнительные трудности в процесс освоения системы Витте, являясь, к тому же, побочной для данного издания задачей. Бережное изучение и сохранение наследия замечательного немецкого педагога годятся, скорее, для серии «литературные памятники», нежели для руководства по воспитанию и образованию. Преследование главной цели этой книги и стало решающим аргументом в использовании при переводе английского издания, излагающего предмет исследования более адекватным языком. Однако это не означает, что мы слепо следовали по стопам английских коллег, полностью доверившись их профессиональному и человеческому долгу. Текст книги был сверен с немецким оригиналом и многие, на наш взгляд, неоправданные купюры текста Витте были восстановлены.

Например, мы почти полностью вернули главу пятую (в нашем издании – третья), в которой Витте рассказывает о своей прежней воспитательной практике.

А также главу четырнадцатую (в нашем издании – одиннадцатую), в которой идёт речь о различии в воспитании и образовании Карла Витте от воспитания и образования двух известных в то время вундеркиндов. На две части книга разбита чисто условно, дабы отразить её оригинальное деление на два тома.

В заключение этого небольшого предисловия отметим лишь, что не всё в системе воспитания немецкого пастора является безупречным. В частности много упреков получал он от современников в том, что вырастил из сына человека-машину, поскольку вместо того, чтобы зачитываться любовными романами, как это делают все юноши, молодой Карл интересовался лишь необходимыми для познания книгами. Однако, скорее всего, это частность, имеющая отношение, прежде всего, к характеру самих Витте. Но даже и эта частность скорее утверждает великие возможности воспитания, чем отрицает их. Поэтому книга Карла Витте имеет воистину несомненную ценность.

В. Рохмистров

Часть первая

Доверь нас природе, но – чуткой рукой! направь!

Глава 1. Для кого написана эта книга

Возможно, кто-то решит, что я написал эту книгу специально для учителей и педагогов. Однако это заблуждение, так как сии господа, как правило, имея на то основания или нет, полагают себя моими противниками, а потому и писать мне для них незачем. Их упреки в мой адрес следующие. Я делал это не так, как они, а это плохо. Порой я поступал даже и вовсе наоборот, а это совсем плохо. И это потому, что люди начинают совершенно необоснованно спрашивать: «Эй, если Витте смог со своим сыном достичь такого и уверяет нас, что такие же результаты могут быть достигнуты с любым ребёнком, не обделенным природой, то почему наши учителя не делают так же?» Вряд ли можно найти более несправедливое требование. Однако я часто слышал подобные высказывания и мои последующие возражения на них чаще всего были бесплодными. Тем временем оскорбительные обвинения против порядочных учителей заставляют их быть раздражительными по отношению ко мне, воистину против своей воли ставшему причиной обвинений в их адрес. Вот до чего дошло!

Этот мой труд должен отчетливо продемонстрировать, что школьный учитель, обладающий наилучшими намерениями, отличными знаниями и превосходными данными к профессии, вряд ли сможет измениться, потому что – как это часто бывает в случаях чрезвычайного прилежания – он до этого работал вопреки, он станет работать вопреки и теперь.

Школьный учитель и особенно воспитатель думают противоположно мне из высших соображений, во всяком случае, до тех пор, пока не познакомятся поближе со мной или – от меня самого либо от других – с моими ведущими убеждениями.

И потому я пишу для них лишь как для таких же отцов и матерей, которые искренне любят своих детей – или подопечных, – и благодаря этой своей горячей любви решились поближе ознакомиться с воспитательным экспериментом человека, который доставил им немало неприятных моментов.

И потому я пишу для них лишь только как для всех отцов и матерей, желающих получить наилучшие плоды в развитии тела, духа (сознания) и сердец своих детей. Многие родители, следовавшие моим рекомендациям, выражают в письмах или иным способом свою признательность мне и своё одобрение. Доказательства их благородных пожеланий частенько вызывают на моих глазах слезы. И я могу, точнее я должен сказать, что они тем самым очень часто помогают мне, и вы сами увидите это по моим запискам. Моя благодарность, равно как и благодарность моей семьи, будет следовать за ними до могилы.

Многие из них настойчиво просят меня писать более просто, именно так, как я порой рассказываю это им или, иными словами, написать доходчивую историю моей системы для всего мира в том виде, в каком я объясняю её на словах. И когда они отвергли все мои возражения, которые я мог выставить, я был вынужден ручаться им своей честью, что когда-нибудь это сделаю.

Одним из моих самых аргументированных возражений было то, что некоторые озлобленные люди могут сказать: а есть ли действительная нужда в этой книге? На это мои друзья отвечали: Даже если так! Пусть господину Б. или господину Ц. это и не нужно – это нужно нам – напишите её для нас!

И я держу слово. Быть может, та польза, которую это может принести и, надеюсь, принесёт; или быть может, удовлетворение от достижения того, к чему я стремился, сильно поддер-

живают меня. Некоторые ценители могут осмеять мой достойный успех, могут со всех сторон раздаться дикие вопли о том, что всё это неоспоримое доказательство моего успеха лишь благие намерения. Будущее решит наш спор.

Я прекрасно знаю, что не все смогут преуспеть так, как я. Я также понимаю, что это не столь необходимо для всех детей – быть образованными так же, как мой сын. Но я убежден, что большее из того, что я сделал, может быть повторено и разумное приложение моего метода принесёт немалую пользу.

<...>

Так же думали и говорят очень многие среди наших учителей и воспитателей (в строгом смысле слова), такие как Занф, Шерве, Зампе, Зальцман, Оливье, Тиллих, Гутсмутс, Ладомус, Зереннер, Ленц, Леопольд и т. д., равно как и многие другие, ставшие благодаря этому моими настоящими друзьями, поскольку их весьма интересовал мой опыт; все они также продолжают – и поддерживают – активное участие в моих идеях; и все они уверены, что это нуждается в публичном объяснении.

Тем, что я делаю, очень рано заинтересовался Песталоцци³, и он своим ясным видением и теплым непредвзятым умом смог предвидеть не только цвет, но и плод в том, что было ещё крошечным бутонem. И наблюдая за тем, что я делаю, он выразил свое отношение и немалую симпатию к этому в следующем письме:

Дорогой высокочтимый друг!

Позвольте мне, пока Вы еще пребываете по соседству с нами, ещё раз сказать Вам, насколько я заинтересован Вашим методом воспитания, по которому Вы занимаетесь со своим ребёнком, и насколько я нахожу свои педагогические идеи в сущности на Ваши похожими. Позвольте мне сказать и больше: я порой опасаясь, что мои рубрики: форма, число и слово, равно как и весь внешний вид моих элементных книг⁴, на первый взгляд очень могут показаться всего лишь действием безыскусной природы, наивернейшим образом корректирующей формы общечеловеческого здравого смысла. Но на самом деле это только кажимость, которая зиждется на том, что в целом исполнение нашей деятельности несомненно схоже с любым другим образовательным методом, в котором находят свое чистое выражение опыт способного к непосредственным наблюдениям отца и подлинная любовь матери. Что с того, что этот опыт не виден в мертвых столах и нагромождениях бесконечных изданий? Он и не может появиться там! Но если Крюзи⁵, ведомый этими идеями, становится совершенным ребёнком для детского сознания, и ребёнок находит себя в каждом слове Крюзи, и во

³ Песталоцци Иоганн Генрих (1746-1827) – швейцарский педагог, основатель теории начального обучения, связывающего педагогику с психологией. Предложил ряд новых идей по объединению обучения и трудового воспитания.

⁴ Имеются в виду следующие пособия для первоначального обучения: «Книга матерей, или Руководство для матерей, как учить их детей наблюдать и говорить» («Buch der Mutter oder Anleitung für Mutter ihre Kinder bemerken und reden zu lehren», 1803); «Азбука наглядности, или Наглядное учение об измерении» в трех частях («ABC der Anschauung oder Anschauungslehre der Maßverhältnisse», 1803); «Наглядное учение о числе» в двух частях («Anschauungslehre der Zahlenverhältnisse», 1803-1804). Эти книги вскоре после их выхода были переведены на ряд европейских языков, на русский язык их перевёл учитель поэта В. Жуковского Ф. Г. Покровский. В России вышли: «Книга для матерей...» и три книги «Очевидного учения о содержании чисел», а в 1806 г. и «Азбука очевидности, или очевидное учение о содержании чисел» в 1807 г. Предложенное Песталоцци элементарное образование подразумевает такую организацию обучения, при которой в объектах познания и деятельности выделяются простейшие элементы, что позволяет постоянно двигаться от простого ко все более сложному, доводя знания детей до возможного совершенства. Педагог выделяет следующие простейшие элементы познавательной деятельности: число (простейший элемент числа – единица), форма (простейший элемент формы – линия), названия предметов, обозначенные с помощью слов (простейший элемент слова – звук) и т. д.

⁵ Герман Крюзи (1775-1844) – швейцарский педагог и поэт, автор биографических книг о Песталоцци и о себе, а также руководства для учителей по рисунку.

имя его воспитательного метода и должен находить себя там, как должен находится себя в самых простейших словах своей матери, чья разумность стала ему ясна благодаря тысячекратному опыту – тогда наша реальная деятельность воистину есть нечто совершенно отличающееся от того, чем может показаться на поверхностный обманчивый взгляд. Верно и то, мой друг, что Вы видели лучшее, чем кто-либо иной, хотя бы уже потому, что по сути работали в том же самом духе. Вы не знали этого, но в основании Вашей деятельности лежат те же зрелые естественные чувства, на которых после бесконечных поисков развиваются и мои педагогические правила.

Друг мой! Ваше дело чрезвычайно важно для меня. В настоящее время мы больше, чем в чём-либо другом, нуждаемся в том, чтобы труд воспитания поверить зрелым опытом, и это именно тот опыт, который может стать могучим подтверждением взглядов, вытекающих из моей собственной методы. В этих обстоятельствах Вы, мой друг, должны чувствовать, как важно для меня продолжение Ваших педагогических опытов и, по возможности, расширение их. Друг мой! Вы уже призваны к исполнению своего поприща и помимо моих желаний; позвольте же мне также присоединить и мои желания к ожиданиям Ваших ближайших друзей, и не отказывайтесь, пожалуйста, от этой, оказавшейся теперь в Ваших руках, возможности. Такие люди, как Вы, которые своей проникательностью схватывают всё, что предоставляется их сознанию и которые способны постоянно действовать в согласии с тем, что осознали, связывая воедино суть человеческой природы и обстоятельства человеческой жизни, могут сделать многое. Я вполне осознанно числю Вас среди людей такого сорта и всегда радуюсь в предчувствии возможности услышать от Вас о новых успехах в Ваших экспериментах со всей той откровенностью и точностью, что отличали Вас на протяжении тех счастливых часов, кои я провел с Вами в обсуждении нашего предмета.

Удачи в пути, дружище! по нашим горам, и позвольте уверить Вас в моей неизменной к Вам симпатии.

Ваш любящий друг Песталоцци⁶

1804, август.

Он оставался в своем убеждении все эти 14 лет, а затем понуждал меня в частной беседе написать историю воспитания и образования моего сына настолько подробно, насколько это вообще можно сделать. На этом же настаивали его друзья, а также хорошо известный французский учёный Жульен Парижский⁷. Они доблестно встретили все мои возражения, которые по большей мере происходили от моей скромности, и Песталоцци написал мне в самый день моего отъезда из Ивердона следующее:

⁶ Здесь любопытно привести строки из дневника Песталоцци от 15 февраля 1774 г. «В свободной аудитории природы ты поведешь за руку своего сына, ты будешь учить его в горах и долинах... Но в эти часы свободы природа да будет более учителем, чем ты... Пусть он почувствует это, почувствует до конца, что здесь учит природа. Ты же должен со своим искусством тихо, почти крадучись следовать за природой. Когда птица очаровательно щебечет, и когда червяк, только что появившийся на свет, ползет по листу, прекрати упражнение в языке. Птица учит и червяк учит больше и лучше. Молчи!». (Песталоцци И. Г. Избранные педагогические сочинения в 3-х тт. М.: Издательство Академии педагогических наук СССР, 1961. Т. 1. С. 117).

⁷ Марк-Антуан Жюльен Парижский (1775-1848) – основоположник сравнительной педагогики. Впервые поставил вопрос об изучении международного опыта развития образования как особом направлении научных исследований. Активный участник Великой французской революции, сторонник Робеспьера, видный публицист.

Дорогой г-н Витте, Вы, конечно же, помните те беседы о педагогике, которые мы вели с Вами 14 лет назад на берегу Бухзее. Тогда вы подали нам надежду, что благодаря Вашим собственным принципам сделаете Вашего сына более чем обыкновенным человеком. Ныне обещанное Вами выдающееся достижение далеко превзошло то, что Вы тогда обещали нам.

Вопрос теперь стоит так: в какой мере это достижение произошло именно благодаря Вашему искусству, или в какой мере стало оно причиной этого? Вопрос в том, в какой мере это достижение является чистым следствием его выдающихся талантов, или в какой мере это результат принципов образования и средств, каковые в приложении к другим детям могут дать в конечном итоге более менее близкий результат? Дорогой г-н Витте, дабы Ваши друзья по воспитательной работе смогли, наконец, определиться в этом вопросе с определённой уверенностью, Вам следовало бы в подробных деталях, входя во все частности именно Вашего собственного руководства, описать тот путь, которым Вы шаг за шагом вели Вашего сына. В удивительных способностях Вашего сына сомневаться невозможно. Но в какой мере в их развитии участвовали Ваши педагогические способности и умения, как они смогли раскрыть и развить их – это можно сделать только в подробнейшей истории с полным описанием Вашей методики. Дорогой господин Витте! Это очень важно сделать и это воистину тот труд, которому не жаль посвятить своё время.

Всего Вам хорошего, дорогой господин Витте! И будьте уверены в моем высшем к Вам расположении, которое позволяет мне иметь честь называть себя Вашим покорнейшим слугой и другом.

Песталоцци.

Ивердон, 4 сентября, 1817

Крюзи и Нидерер (позднее также Тоблер)⁸ и тогда и теперь тоже просили меня сердечно и неотступно. И я имел честь им говорить, что несмотря на злословие глупцов и недоброжелателей – при первой же возможности! – напишу книгу для отцов и матерей.

Ко всем этим и подобным требованиям добавлю здесь лишь ещё одно мнение, которое хотя и столь же дружественно поощряет, но ещё и касается непосредственно того, чего я боялся, а потому не могу им пренебречь.

Я имею в виду замечательного пастора и профессора Гесснера (моего ныне покойного друга, зятя Лафатера⁹), который равно достоин почтения как пастор, как человек и как воспитатель. Этот учёный человек выразил желание получить краткое описание достижений моего сына, что я и предоставил ему (Гесснеру). Он вернул мне страничку со следующим письмом, ещё раз повторив то, что часто говорил устно, уже запечатленное в сердце. Вот это письмо:

Чрезвычайно обязан Вам за предоставление мне этой в высшей степени замечательной странички. Весьма поражает тот труд, который продемонстрировал юноша. Счастливый отец! сын которого, о чём так же не следует забывать, обладает столь выдающимися дарованиями (такими же был вооружен некогда проделавший выдающийся путь Петрарка), которые позволили завершить сей труд столь уверенно и быстро – пройти путь, на котором Ваше понимание души, Ваша проникательность и Ваша высочайшая

⁸ Швейцарские педагоги Йохан Нидерер (1779-1843) и Георг Тоблер (1770-1843).

⁹ Иоганн Каспар Лафатер (1741-1801) – известный швейцарский писатель, богослов и поэт, трагически погиб, пытаясь остановить французского мародера. Профессор Гесснер, потомок широко известного швейцарского учёного-энциклопедиста Конрада Гесснера (1516-1565); издал собрание сочинений Лафатера.

простота смогли достигнуть такого. О, Вы очень скоро узнаете, опубликовав описание Вашего метода, в каком положении окажутся многие отцы, которые не смогут достичь того же успеха, какого посчастливилось достичь Вам. Ведь для того, чтобы достичь некоего поразительного развития, исходное должно быть в сравнении с ним почти таким же.

Ни один мудрый человек не может остаться равнодушным и ещё менее станет предвзято отрицать – но сами вещи, как само простое величие, встают в противоречие; как сама истина, выражают протест – и, радуйтесь! Как всё доказанное побеждает и неоспоримо проглядывает сквозь всякое человеческое создание, так и психолог отступает перед экзаменом природы. Опыт и время также должны это доказывать, и тот, кто выносит окончательный приговор без экзамена, не истинный мудрец.

Со смиренным и благоговейным почтением

Г. Гесснер, пастор и профессор

Цюрих, 16 июля 1817 г.

Я привожу здесь это для того, чтобы быть полностью откровенным!

Поскольку, быть может, учёные глупцы начнут меня презирать, если я ограничусь описанием лишь того, что приносит мне пользу.

Что меня меньше всего заботят такие люди как Меркель, А. Г. Эберхард и им подобные, само собой понятно. Они, конечно же, станут, как и до этого, тайно или явно, меня очернять. Но что же, мне больше не выходить на улицу, если там могут освистать бесстыдные пацаны? Или не вешать картину в своей комнате, поскольку её может испачкать жирная муха? – Все это чушь!

Всех же педагогов, учителей и воспитателей, которые желают прочесть мой труд с дружественными и добрыми намерениями заранее уверяю в своем благодарнейшем почтении.

<...>

Глава 2. Были ли у моего сына экстраординарные способности

Мне говорили об этом сотни раз, и пусть это так и останется, ибо, конечно, приятно иметь возможность говорить, что кто-то особо предпочитаем Богом или обладает способностями, позволяющими ему делать то, чего не могут другие. Но если говорить правду, случай с моим сыном совсем не тот.

Я повторял это более чем тысячу раз, и должен сказать снова, что большинство моих друзей и знакомых мне не верили, и только один человек, пастор Глобиц, который близко знал меня с детства и который с 1788 и по свою смерть был моим ближайшим другом, обычно говорил:

– Я убежден, что у Карла не было никаких выдающихся способностей, и я не из тех, кто смотрит на его прогресс как на чудо. Напротив. Я говорю себе, тебе и всем, кто хочет слышать, что способности у него были самые средние, и не его задатки помогли ему стать тем, кто он есть, а только твоё воспитание. Я знал твои планы воспитания и твою методу – они всё равно должны были преуспеть, если бы только Господь не захотел иного.

Незадолго до рождения сына в Магдебургских школах (монастыри Либенфрауен, Берген и Домшуле) появилось несколько учителей удивительных способностей. Некоторые из этих молодых людей впоследствии стали по соседству священниками и оставались друзьями своих альма матер. Они образовали замечательный кружок, который занимался самым ревностным образом наипрекраснейшим делом – воспитанием. К ним присоединился мой друг Глобиц, и через него-то я и стал посещать этот кружок так часто, как мне позволяли мои обязанности.

Кроме всего прочего там шла речь о том, что учителя и воспитатели, действуя из наилучших побуждений, порой достигают очень малого, потому что придают, на мой взгляд, слишком большое значение природным задаткам людей. Мой же опыт убеждал меня в обратном. Я был уверен: природные задатки имеют гораздо меньшее значение, чем воспитание в первые пять-шесть лет жизни ребёнка. Конечно, способности у всех очень разные, но, как правило, при тех способностях, с которыми рождается большинство людей, от воспитания, верил я, зависит гораздо больше, чем принято считать. И чтобы заручиться поддержкой великого авторитета, я каждый раз цитировал утверждение Гельвеция: *chaque homme communement bien organise peut devenir grand homme, suppose qu'il soit eleve comme il faut.*¹⁰

Но все были против меня. И когда г-н Шрадер возвращался со мной и Глобицем домой, мы всё ещё продолжали обсуждать это, и я всё повторял то же, что говорил и перед всем собранием, а затем сказал следующее:

– Теперь следует мне, конечно же, умолкнуть, поскольку против меня вас 13 и даже 14 человек. Но я надеюсь доказать вам на деле, что я прав. Если Бог дарует мне сына, и если он – по вашему мнению – не окажется тупицей, что уж, конечно, зависит только от небес – то я, как давно уже решил, воспитаю его выдающимся человеком вне зависимости от того, какие у него способности!

Они поймали меня на слове. Глобиц только заметил при этом, что он вполне согласен с моими взглядами и попытался убедить Шрадера, что слово своё я, конечно же, сдержу. Хотя потом в беседе с друзьями он не раз говорил, что всё это всё равно невозможно.

Вскоре после этого Шрадер узнал от Глобица, что у жены моей родился сын. Он сообщил об этом друзьям и они все пришли посмотреть на меня и на моего мальчика. И каждый

¹⁰ «Каждый вполне здоровый человек может стать великим, если будет развиваться как должно» – фр. Афоризм знаменитого французского философа Клода Адриана Гельвеция (1715-1771). Более известно другое его изречение на эту тему: «Люди не рождаются, а становятся теми, кто они есть».

раз, когда я приезжал в эту часть страны или Глобиц появлялся у меня, они расспрашивали о положении дел и дотошно выпытывали, подаёт ли малыш какие-либо надежды на исполнение данного мной обещания.

Когда Карлу было от 4-х до 5-ти лет, я взял его с собой в Малый Оттерслебен¹¹. Его увидел Шрадер, и мальчик очень ему понравился. И хотя он чувствовал, что никаких выдающихся способностей у Карла нет, но почему-то уже был уверен, что я преуспею в своём обещании. Так продолжалось до 1810 года, и с каждым годом Шрадер убеждался всё больше и больше в том, что всё у меня получится, что и выразил потом в письме ко мне. Письмо это более значительно и резко ещё и потому, что его личные наблюдения дополнились информацией от меня и моих ближайших друзей, убедивших его окончательно в том, что моё обещание, в котором он поначалу столь сомневался, выполнено. Но от своих сомнений он отказаться так и не смог, навсегда оставшись моим оппонентом. Поэтому его искреннее признание самого факта делает честь его уму и сердцу, несмотря на то, что он продолжал твердить о том, что всё это невозможно. Вот его собственные слова:

«Лангенведдингген, 3 июня 1810.

*Глубокоуважаемый друг, Вы сдержали слово! Ваш Карл стал – и даже более чем стал – тем, кем Вы обещали его сделать перед его рождением! Когда десять лет назад Вы в упоении заявили мне в присутствии нашего ушедшего в вечность друга Глобица, что питаете надежду стать отцом и что искренне желаете стать отцом здорового сына, а потом добавили незабываемые слова: «Если мой сын будет физически здоров, я намерен воспитать его так, чтобы он стал выдающимся человеком», тогда я возразил, что успех Вашего замечательного плана зависит не только от здоровья ожидаемого Вами мальчика, но гораздо больше от счастливого сочетания его природных задатков. На это Вы ответили фразой Гельвеция: *chaque homme continement bien organise peut devenir grand homme, suppose qu'il soit eleve comme il faut*. Я долго не верил в это, но как-то Глобиц сообщил мне, что за самое короткое время Вы уже превратили одного мальчика из Швейцарии, которого его прежние учителя считали едва ли не за тупицу, в человека значительно более чем среднего ума. Я обещал Вам, что отложу вынесение своего суждения до тех пор, пока когда-либо лично не познакомлюсь с Вашим сыном, что станет моим решением за или против Вашего метода. И вот он, Ваш мальчик, передо мною. Человеческая зрелость сочетается в нём с детской невинностью и божественным началом, являя собой редкий союз – очаровательная картина гуманизма! О, приведите меня в помещение, наполненное подобными людьми, и я решу, что перенесся с земли в компанию высших духов.*

Да, мой друг! Вы не только исполнили обещание, Вы сделали больше обещанного. И я чувствую необходимость заявить об этом письменно, дабы воздать Вам должную справедливость! И все-таки блестящая в своём успехе Ваша метода не будет способна убедить педагогов в истине вашей теории. Со всех сторон послышится: «Как счастлив отец, у которого родился такой сын!» Успехи сына припишут природе и природным данным, а не искусству отца. И, признаюсь Вам, я сам из тех, кто говорит: «Если Карл не был бы так счастливо одарен природой, он никогда не стал бы тем, кем стал!» Я знаю, что Вы без сомнения много им занимались, знаю Вашу власть, терпение, твердую настойчивость, с которой добивались Вы исполнения задуманного.

¹¹ Деревня неподалёку от Магдебурга.

Знаю, что мальчик был тем, вокруг чего вертелась вся Ваша жизнь со всеми Вашими талантами, знаю, как умело Вы сочетали всё – беседы и молчание, приходы и уходы, работу и отдых – всё, что окружало мальчика, всё, что имело хотя бы отдаленное значение для него и для Вашей цели. Знаю, что Вы годами работали непрерывно, неутомимо, отдавая этому все Ваши способности и живость. Кроме того, я знаю ту власть, которую Вы имеете над собеседниками – и всё-таки, несмотря на всё это, я не могу согласиться с Вашей педагогической методой.

Не только очень трудно, но воистину практически невозможно гармонизировать части природы и искусства в воспитании человека, поскольку в процессе воспитания они находятся в глубоком противоречии друг с другом. Вы всегда будете искать доказательства тому, что Вы воспитали таким выдающимся человеком просто здорового, а не выдающихся способностей мальчика исключительно средствами искусства. Тем не менее, Ваш эксперимент во всех отношениях останется удивительным и важным для педагогики, а детальное описание Вашего метода станет ценным даром для общества. Разумеется, надо быть пастором Витте, чтобы воспользоваться этим методом воспитания, и потому должен предупредить Вас, что у Вас найдется мало последователей.

Шрадер,

Священник в Ланденведдингене неподалеку от Магдебурга.

Пожалуй, нельзя более отчетливо выразить то, что я к этому моменту уже достиг цели, к которой стремился изначально. [В то время как ничто не предвещало этого.]

<...>

[Карл родился 1 июля в 3 часа по полудни в четверг 1800 года в Лохау, в двух часах езды от Галле. По свидетельству всех моих родственников, друзей и знакомых он представлял собой гораздо более беспомощное существо при рождении, чем наш умерший в младенчестве первенец. Жена, перед печальными очами которой всё ещё витал призрак того идеально сложенного малыша, лишь горько заметила мне, что ничего у меня не выйдет, ибо как бы я ни старался, из этого малыша со сморщенным личиком ничего кроме посредственности вырасти не может. Я же не терял надежды и молил Бога лишь о том, чтобы малыш не был умственно отсталым.

Всё это продолжалось едва ли не до четырёх лет. Рассудок Карла развивался медленно, т. е. совершенно незаметно для окружающих. Однако, как отмечали все вокруг, умственно отсталым он также не был.]¹²

¹² Здесь и далее в квадратных скобках даётся краткий пересказ существенных деталей из излишне растянутых кусков повествования оригинала.

Глава 3. Почему надеялся я на столь многое, получив так мало

Дело действительно обстояло именно таким образом, но моя надежда на успех зиждилась на разумном основании. Я знал многочисленные примеры того, как портятся человеческие существа при неверном воспитании, а при правильном – делаются лучше. Приведённое далее рассмотрение является для ясного понимания моей книги чрезвычайно важным. Для этого мне необходимо сделать довольно большое отступление, в котором я обращусь к рассказу о моей прежней жизни, и очень прошу прочитать это.

Я сам был в свои двенадцать лет телом, духом и душой настолько испорчен, что мне теперь порой даже трудно понять, как после всего этого я смог стать тем, кем стал.

Подобных примеров я встречал немало среди друзей и знакомых, хотя, возможно, и не в такой степени.

Когда я сам начал преподавать, то не раз поражался тому, как вдруг порой расцветают спящие духовные силы.

Уже в четырнадцать лет в Зальцведеде я непроизвольно наблюдал за некоторыми моими однокашниками и изучал их. Наблюдал я и за учителями и отмечал, как их противоположности: способный – неспособный, учёный – неучёный, добросердечный – плохой, приносят совершенно разные результаты. И это прояснило мне очень многое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.